

ТЕАТР Вер. Москва - 2002 - 1 апр. с. 4

НЕ ТРЕЛЬ,

А ДРЕЛЬ

Свой первый «ход конем» на посту главного режиссера Пушкинского театра Роман Козак сделал на сцене филиала малоизвестной японской пьесы «Академия смеха» (там цензор заставляет драматурга переписать пародию на «Ромео и Джульетту» в «патриотическом ключе») и с известных фамилий (Николай Фоменко и Андрей Панин). Козак начал и выиграл. Второй ход выглядит зеркальным отражением первого: «Ромео и Джульетта», много неизвестных фамилий (чуть ли не каждый второй, включая заглавных героев, - студент Школы-студии МХАТа) и основная сцена. Премьерная публика разбавлена старшеклассниками и бомондом (Татьяна Догилева, Валерий Гаркалин и другие) - и первым, и вторым спектакль Козака интересен. Результат пока похож на боевую ничью.

Ольга ФУКС

Джинсы и топики, заточки в карманах и современные ритмы заставляют вспомнить фильм База Лурмана «Ромео + Джульетта» с Леонардо ди Каприо. Но это лишь внешнее сходство. Фильм был сделан в эстетике клипа, а текст Шекспира расцветал на этом фоне, как дикий виноград.

цветок на городском пустыре, и от этого сочетания рождался довольно сильный эффект. Спектакль же Козака, напротив, выглядит очень обстоятельным. Но драйва, эмоциональной агрессии, которые необходимы этой пьесе как воздух и которыми полны многие другие постановки Козака (та же «Академия смеха» или «Лесная песня» во МХАТе), спектаклю пока не хватает, хотя, казалось бы, все необходимое для этого было сделано.

А теперь о хорошем. «Ромео и Джульетта» - не только премьера спектакля, но и премьера замечательного перевода современного автора из Калуги Осии Сороки (следующим на московской сцене должен появиться его «Король Лир»). Текст, точно скачущая кардиограмма, то взмывает в поэтическую выпренность, то срывается в приземленную конкретику современного языка: «То жаворонок, у него не трель, а дресть - она вонзается мне в уши». Перевод-лихорадка, сродни той, что вспыхнула у двух подростков, заставив их за четыре земных дня прожить целую жизнь.

Шекспировских подростков играют почти что их ровесники - третьекурсники Сергей Лазарев и Александра Урсуляк - юные, легкие, азартные. Александра Урсуляк смотрится чуть выигрышнее, но ведь и господин Шекспир написал для нее более выигрышную роль. Шаловливая девчонка, что задирала уютную, дородную няню (Наталью Николаеву) и вертела пальцами стрелки часов, торопя приход ночи, враз взрослеет от няниного предательства. Ясно понимая, что за любовь свою придется бороться с целым миром - ни больше, ни меньше.

Спектакль безукоризненно красив (если не считать пару аляповатых женских костюмов). Да он и не мог получиться другим, ведь за дело взялись сценограф Георгий Алекси-Месхишвили (хрупкие строительные леса-вершины, слюдяные двери-лабиринты) и режиссер по пластике Алла Сигалова.

У. Шекспир
«Ромео
и Джульетта».
Реж. Р. Козак.
Театр
им. Пушкина

От первого поцелуя
Ромео и Джульетта
в буквальный смысл
воспаряют

Здесь дерутся в стиле восточных единоборств. На балу у Капулетти плетут узоры-хороводы из разноцветных обручей. А после пронзенный насмерть Меркуцио (обаятельно-брутальный Александр Арсентьев) вместе в отповедь «чума на оба ваши рода» швырнет эти обручи, детские игрушки, и они сиротливо раскатятся по сцене. От первого поцелуя Ромео и Джульетта в бук-

вальном смысле воспаряют, взлетая на веревочной лестнице. А первую и последнюю брачную ночь вытанцовывают в порывистом и нежном танце в стиле contemporary dance, который очень точно переводит на язык тела шекспировские строчки: «Скрой, как горит стыдом и страхом кровь, покамест вдруг она не осмелеет и не поймет, как чисто все в любви».